

казанских отношениях автор «Заниско» мог почерпнуть из русских летописей. Так, сообщения о привлении в Казани Махмет-Амшия и Абдул-Мотифа, о крещении казанского царевича в Москве, получившего имя Петра, о его женитьбе на сестре великого князя Василия, о столкновении московских ратей с татарами на Волге, о посещении царицей Екатериней Москвитин в Москве находят параллели и известия московских летописей начала XVI в. Много фактического материала почерпнул Герберштейн и из устных рассказов.

Основою вывод А. В. Флоровского об использовании Герберштейном московских сводов не подлежит сомнению. Можно лишь конкретизировать этот вывод. Источниками Герберштейна были два московских памятника: первый — свод 1518 г. (Уваровская летопись), второй — один из источников Никоновской летописи, весьма близкий к «Древнему летописцу».

Л. И. ИВНИА

ВКЛАДНАЯ И КОРМОВАЯ КНИГА СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Своеобразным источником по истории землевладения и внутренней политики Русского государства конца XIV—XVI в. служит вкладная и кормовая книга Московского Симеонова монастыря.

Подобные исторические источники давно привлекали внимание историков, изучавших социально-экономическую историю России XV—XVI вв. Отдельные из них были изданы.¹

Очень много для изучения таких источников сделал С. Б. Веселовский. Им, в частности, были сняты копии вкладных книг некоторых монастырей.² Хотя многие источники (в том числе и вкладные книги), скопированные и изученные С. Б. Веселовским, не стали предметом специального рассмотрения в опубликованных его работах, тем не менее они составляют ценнейшую основу, на которую опирался ученый в своих исследованиях, посвященных истории социально-экономических отношений на Руси XV—XVI вв., а также представляют богатейшую сводку материалов, доступную историкам, занимающимся с его фондом в Архиве АН СССР. В опубликованных работах С. Б. Веселовского и некоторых других историков, занимавшихся изучением причинны

¹ Литературу по этому вопросу см.: Л. А. Зина и др. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 65—66.

² Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, д. 18 и др.

Ивана Грозного,³ сведения вкладной и кормовой книги Московского Симонова монастыря были использованы лишь частично. Она никогда не была предметом специального исследования.

Впервые на вкладную и кормовую книгу Московского Симонова монастыря обратил внимание Н. М. Карамзин. В примечаниях к «Истории государства Российского» он опубликовал вступление и ряд выдержек из нее.⁴ Своденные Н. М. Карамзиным подробности показывают, что он пользовался синским этого источника, сделанным в XVII в., возможно, списком 40-х годов XVII в., дополненным позже.

В настоящее время известна только копия этой книги, относящаяся ко второй половине XIX в., описание которой принадлежит Н. А. Голубцову. Он же опубликовал некоторые выдержки из нее.⁵ Рукописная копия этой книги хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Другая машинописная копия, снятая с рукописи ГПБ, находится в фонде Ю. В. Татищева в Архиве ЛОИИ.⁶ Третья копия, сделанная С. Б. Веселовским, имеется в его архиве.⁷

Сопоставление дошедшего до нас списка вкладной и кормовой книги с фрагментами из этого источника, опубликованного Н. М. Карамзиным, показывает их различие. Остаются предположить, что известной сейчас копия вкладной и кормовой книги снималась не с «карамзинского экземпляра».

Настоящее сообщение представляет собой попытку изучить записи вкладной и кормовой книги Симонова монастыря, относящиеся к концу XIV—XVI в.

Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря содержит сведения по некоторым вопросам русской истории с конца XIV в. до 30-х годов XVIII в. Характер их весьма специфичен, он ограничен перечислением вкладов, поступивших в Симонов монастырь от различных лиц, и назначением за них «кормов» монастырской братии. Книга открывается перечнем кормов, получаемых Симоновым монастырем на «государские» праздники из Большого дворца. Далее перечислены вклады, которые делятся на шесть категорий: 1) великих князей, 2) Ивана IV, 3) крупных боярских родов, 4) удельных князей, 5) высшего духовенства, 6) князей,

³ С. Б. Веселовский. 1) Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 231, 341, 374; 2) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 32 и др. В. Б. Кобриш. Состав опричного двора Ивана Грозного. Археограф. ежегодник за 1959 г. М., 1960, стр. 70, 88; А. А. Зямкин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 66; Р. Г. Скрыпин и Ков. Начало опричнины. Л., 1966, стр. 185.

⁴ Н. М. Карамзин. Истории государства Российского. Изд. 4, кн. II, т. V, СПб., 1842, прим. 122, стр. 64.

⁵ Акты социально-экономической истории конца XIV—начала XVI в. (далее — АСЭИ), т. III, М., 1964, № 479; см. также: т. II, № 339.

⁶ Архив ЛОИИ, ф. 131, № 5.

⁷ Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, д. 166.

бояр, гостей, детей боярских и прочих, а также кормы по князьям, боярам, детям боярским, гостям, торговым людям и др.

Большинство разделов хронологически не выдержало, записи конца XIV — начала XVII в. часто перебивают друг друга. Записи второй половины XVII — начала XVIII в. помещены всегда в конце разделов. Древнейшие из них сделаны очень кратко, без указания на время вклада. Первые датированные записи книги фиксируют вклады в монастырь Ивана IV, они помечены с точностью до дня.⁸ Выделение уже в первой записи книги имени Ивана IV из имен «ирочных государей», жаловавших монастырскую братию, говорит о начале составления рассматриваемого источника в период правления Грозного царя.⁹ Видимо, толчком к оформлению в монастыре книги явилось постановление церковного собора 1551 г., которым предписывалось монастырям на основании поступивших вкладов «на помин души» определить кормы братии, а имела вкладчиков возносить в синодику.¹⁰ Записи различных пожилотавших за ранний период существования монастыря (конец XIV — XV в.) немногочисленны. Наиболее ранние вклады записаны в книге в общем виде, иногда с некоторым искажением реальных событий. Но даже безгласное упоминание о членах великокняжеской семьи и наиболее богатых и влиятельных представителях господствующего класса должно было, видимо, демонстрировать быстрое влияние Симонова монастыря и напомнить правящим государям о милости предков.

Записи в книге сделаны, вероятно, на основании актов и некоторых других неизвестных нам источников, возможно, каких-то монастырских заметок о вкладах с учетом реальной жизни монастыря второй половины XVI в., в которой составлялась книга.

На вкладчиков конца XIV — XV в. одним из первых назван Дмитрий Донской, имевший особые отношения с основателем и первым архимандритом монастыря Федором, своим духовником, а также другие члены великокняжеской семьи, в частности сын великого князя Константин Дмитриевич, ставший игуменом монастыря, где и похоронен.¹¹ Сопоставление имен первых вкладчиков с известиями об основании монастыря в последней четверти XIV в. и строительство в нем позволяет сделать предположение об истинных причинах, заставивших Григория Хоюру, родоначальника видных боярских родов Хоюриных и Головиных, вложить денежные средства именно в Симонов монастырь.¹²

⁸ Ранняя датированная запись относится к 13 апреля 1558 г. ГИБ, Р IV 348, стр. 6—7.

⁹ Там же.

¹⁰ Столяков. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1893, стр. 230—231.

¹¹ АСЭИ, т. II, № 339; т. III, № 479, ГИБ, Р IV 348, стр. 7.

¹² Временник ОИДР, X, стр. 89; подробнее см.: В. Е. Сырочков и др. Гости-сурожане. М., 1935, стр. 27; В. П. Флорин. Московский

Книга сообщает, что Григорий Ховра вместе со своей женой Агриной «начало учинили» Симонову монастырю, поставили большую каменную церковь и кололи многие.¹² Богатые вклады Григория Ховры в монастырь, находившийся под покровительством великого князя Дмитрия Донского, несомненно способствовали укреплению его положения в среде московского купечества. Потомки Ховры, принадлежавшие уже к высшему слою русского боярства, продолжали поддерживать тесную связь с монастырем. Владимир Григорьевич Ховрин в Симоновом монастыре построил кирпичную церковь Спаса с приделами и колокольницей, а также окружил монастырь кирпичной оградой; его сын, Иван Голова, дал монастырю иконы и денежный вклад в размере 120 руб.¹³ Связь Ховриных с Симоновым монастырем прослеживается и по актам.¹⁴ Актами записей XV в. приводит к заключению, что составители книги старались избегать под черпнуть наличие у монастыря в это время именитых вкладчиков. Это делалось даже путем некоторого искажения истинного положения вещей. Так, из текста жалованной тархивно-печудимой грамоты Василия II следует, что Симонов монастырь до 1447 г. получил от князя Константина Дмитриевича, дяди Василия II, селцо Окуловское и другие в Московском уезде, селцо же Литвиново монастырские владения прикупили позднее в пожалованных в Московском уезде владениям.¹⁵ Но книга, села Окуловское и Литвиново в Замосковских волостях была даны в монастырь Василием II.¹⁶ Такое определение географии сел говорит о том, что запись в книге произведена не ранее XVI в., когда в наименовании этих районов появилось понятие «замосковские волости». В жалованной грамоте Василия II, как и в других актах XV в., оно еще не употреблялось. Факт предоставления иммунитета Василием II симоновским селам переосмысливается в записи книги в акт пожалования Василием II сел монастырю.

Аналогичное искажение находим в записи о пожаловании монастырю деревни Едома на Белоозере.

Несомненная интерполяция усматривается в записи о вкладе дмитровским князем Петром Дмитриевичем села Вершеница с деревнями в Дмитровском уезде.¹⁸

Наличие интерполяций в книге не должно создавать впечатление о недостоверности всех записей, относящихся к XV в.

иконописец середины XV в. Митрофан по данным письменных источников. Сб. «Культура Древней Руси» (к 40-летию научной деятельности П. П. Воронина), М., 1966, стр. 279—280.

¹² АСЭИ, т. III, № 479; ГИП, F-IV-348, стр. 86.

¹³ ГИП, F-IV-348, стр. 86—88; АСЭИ, т. III, № 479.

¹⁴ АСЭИ, т. II, №№ 342, 370, 374, 381, 387, 434.

¹⁵ Там же, № 349.

¹⁶ ГИП, F-IV-348, стр. 8.

¹⁸ Там же, стр. 73.

Так, не противоречит актам Симонова монастыря запись книги о вкладе в монастырь села Былоло с деревнями в Московском уезде боярином Василием Михайловичем Морозовым.¹⁹

Если перечисленные записи, касающиеся XV в., говорят о том, что при составлении книги в XVI в. власти Симонова монастыря стремились подчеркнуть его популярность среди великокняжеской семьи и влиятельных феодалов, то другие записи XV в. ценны для нас дополнительными сведениями по истории земле- владения монастырской вотчины этого времени. При этом удается установить время поступления некоторых земельных вкладов в монастырь, расширить их число и уточнить имена вкладчиков- феодалов, связанных различными узлами с монастырем.

Во вкладной и кормовой книге имеются дополнительные сведения по истории землеуладения Симонова монастыря XV в. в Дмитровском уезде. Из актов Симонова монастыря известно, что в 70-е годы XV в. село Васильевское Татицево в Берендеево Дмитровского уезда принадлежало монастырю.²⁰ Когда именно оно в монастырь и кто был его прежним владельцем, оставалось неясным. Запись в книге помогает установить, что село поступило в Симонов монастырь после смерти Василия Татицева на «помин его души».²¹

Из записи во вкладной и кормовой книге выясняется имя и другого вкладчика Симонова монастыря в Дмитровском уезде. Это Андрей Китаин Лопотов, после смерти которого в монастырь было дано село Лопотово.²² Вклад в книгу не датирован, он относится, видимо, к последней четверти XV в.²³ На акты об этом селе было известно только то, что в 1505 г. оно уже принадлежало монастырю.²⁴

Некоторые новые сведения имеются и о монастырских владениях в Бежецком Верхе. На основании актов устанавливается, что в 30—40-е годы XV в. Симонов монастырь получил села Вель Егонское и Кузьмодемьянское с деревнями от Елены, жены Михаила Федоровича, как предполагает И. А. Голубцов, Сибурова.²⁵ Запись вкладной и кормовой книги называет Михаила Федоровича Егонским. Кроме того, она сообщает о вкладе его женой села Иуданского в Московском уезде и 20 деревень в Угличском уезде.²⁶ Скорее всего этот большой вклад был сделан в монастырь одновременно. В актах нет никаких данных о вкладе

¹⁹ ГИБ, F IV 348, стр. 107; АСОИ, т. I, № 163 и прим. на стр. 663; т. II, № 374.

²⁰ АСОИ, т. II, № 386.

²¹ ГИБ, F IV 348, стр. 98.

²² Там же, стр. 106.

²³ В 70-е годы XV в. Андрей Лопотов еще здравствовал. См.: АСОИ, т. II, № 387.

²⁴ АСОИ, т. II, № 432.

²⁵ Там же, №№ 315, 364, 323, прим. к № 323 на стр. 558.

²⁶ ГИБ, F-IV-348, стр. 116.

в монастырь Еленой Египетской московских и угодичских земель.²⁷ Имеется только упоминание о принадлежности села Жданского Московского уезда Симону монастырю в 1504 г.²⁸

Вкладная и кормовая книга называет еще одного вкладчика — Дмитрия Кармазова, данного в Симонин монастырь село Кармазово Городского стана Коломенского уезда (дата вклада не указана).²⁹

Сравнение вкладных записей XVI в. с текстами подлинных актов показывает, что они, как правило, делались кратко, без отражения имевшейся в актах подробностей. Часть этих записей является уникальной, так как акты, на основании которых они составлены, не сохранились. Они расширяют круг лиц, связанных с монастырем, уточняют социальный состав вкладчиков и монахов, помогают дополнить представления о величине монастырских земельных владений и способах их приобретения. Такова запись книги о Кошниках, которая показывает, что Кошники были связаны не только с Троице-Сергиевым, но и с Симонин монастырем. По-видимому, до 1478 г. (дата духовной Марии Кошниковой) Мария Кошница дала в монастырь деревню на реку Сажико Переяславского уезда.³⁰ Многие вкладники в конце концов становились постригенниками монастыря.

Среди записей о вкладах XVI в. в Симонин монастырь особое место занимают записи пожалований Ивана IV. Они выделены в книге в специальный раздел.³¹ Этим, видимо, составители ее хотели подчеркнуть тесную связь монастыря с царем. Записи с несомненностью свидетельствуют о расположении Ивана IV к руководству симонинской монастырской братии. Ранняя отписка к 13 апреля 1558 г. В ней рассказывается о приезде царя в Симонин монастырь и о его желании справиться за царский счет кормы монастырской братии, назначенные сыном Дмитрием Донецкого, князем Константином, похороненным в монастыре. Внимание царя к монастырю на сей раз было, видимо, привлечено стремлением создать культ некоторых своих предков.³² В начале 60-х годов Иван IV вспоминает о другом более близком умершем родственнике — своем дяде, дмитропском князе Юрии Ивановиче, который в малолетство царя был серьезным претендентом на престол и умер в заточении в 1536 г.

²⁷ Возможно, это прованальное именование рода Михаила Федоровича, найденное после книги названном села.

²⁸ АСЭИ, т. II, № 429.

²⁹ ГИБ, Ф IV 348, стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 99; АСЭИ, т. III, № 479.

³¹ Под названием «А се жование, милостины и дачи государя, право едшого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца». ГИБ, Ф IV 348, стр. 10—25. Некоторые записи, связанные с именем Ивана IV, в разделе не вошли. (Там же, стр. 6, 7, 27—38).

³² АСЭИ, т. III, № 479.

Записи книги свидетельствуют о тесном контакте царя с властями монастыря. Некоторым из них доверилось выполнение особых царских поручений. В 1558/59 г. Иван IV послал симоновского архимандрита Феоктиста настоятелем в Кирилло-Белозерский монастырь. С этим было связано пожалование Симону 100 руб. Выясняется, что другой архимандрит монастыря Филофей целое лето пролежал с Иваном IV в Можайске, ставшем сборным пунктом русских походов для походов в Литву. Когда же после полоцкого похода Иван IV возвращался в Москву, «взвиз свою отчину город Полоцк», «то встречал поный архимандрит Симонова монастыря Феоктист. Архимандрит Филофей в это время был уже переведен в епископы Рязанские.³⁴ Видимо, по главе рязанской епископии, в ведении которой была пограничная территория, Иван IV также предпочитал иметь своего человека. По записям вкладной и кормовой книги, кроме перечисленных вкладов, братия Симонова монастыря получила от Ивана IV свыше 478 руб.

Таковы связи Ивана IV с Симоновым монастырем накануне опричнины.

Обратимся к записям вкладной и кормовой книги, связанным с именем Ивана IV, периода опричнины. Часть записей отражает только содержание сохранившихся в архиве Симонова монастыря жалованных грамот и других актов, полученных монастырской администрацией от царя.³⁵

Ную ценность представляют записи о денежных вкладах, ювелирных изделиях и всякой «рухляди», отдаваемой в монастырь. Сведения о них встречаются только в рассматриваемой вкладной и кормовой книге.

На «помяну душ» родственников царя и других лиц Симонин монастырь получил только денежных вкладов 720 руб., а с учетом вкладов на имя архимандритов — около 1000 руб. Конечно,

³⁴ ГИБ, Р IV 348, стр. 10; 15 февраля 1559 г. Феоктист находился уже в Кирилло-Белозерском монастыре (П. М. Строев. Синодальный перархон и настоятели монастырей. СПб., 1877, табл. 150). Не следует ли считать, что поездка симоновского архимандрита в Кирилло-Белозерский монастырь была вызвана стремлением Ивана IV иметь там своего человека? Видимо, Кирилло-Белозерские братья выжидали у царя некоторые объяснения, тем более что в 50-е годы XVI в. (до 1560 г.) там находился ненавидимый царю поппа Силавестр, один из попов Избранной рады (см.: А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 84).

³⁵ ГИБ, Р IV 348, стр. 14—15; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 95; П. М. Строев. Синодальный перархон, табл. 150.

³⁶ ГИБ, Р IV 348, стр. 15—16; см.: С. М. Кизилов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Археогрф. ежегодник за 1960 г., М., 1962, №№ 850, 854, 862, 866, 872, 900—911, 913. Отметим, что некоторые грамоты Ивана IV Симону монастырю и записях вкладной и кормовой книги не отражены. Это уральские грамоты, нормализующие торговлю и взимание податей. (Там же, №№ 846, 926, 927).

эта сумма не идет в сравнение с полученной от Ивана IV Троице-Сергиевским монастырем, однако она достаточно велика.

Вкладная и кормовая книга Симеонова монастыря содержит записи о вкладах Ивана Грозного для поминовения казненных им жертв. Часть записей уже известна в литературе, другие же еще не вошли в научный оборот.

12 марта 1582 г. Иван IV дал в монастырь большое количество вещей и церковной утвари и требовал, чтобы монастырская братия поминала 67 человек.³⁶ Далее в два приема Симеонов монастырь получает «по убиенных» 700 руб. (400 и 300 руб.) и равных пеней по 240 руб.³⁷ 15 февраля 1584 г. Иван IV дал в Симеонов монастырь 700 руб. «по опальных людех».³⁸ Таким образом, за погибших Симеонов монастырь получил только деньгами 1400 руб.

Кроме общих вкладов по казненным, во вкладной и кормовой книге Симеонова монастыря имеются записи о персональных вкладах от имени цари «на помин души загубленных им людей». 9 октября 1569 г. был отравлен Владимир Андреевич Старицкий, 20 октября была задушена его мать, а 6 ноября 1569 г. Иван IV через дьяка Ивана Булгакова и Кирилла Пикитина дал Симеонову монастырю 85 руб. на поминовение князя Владимира Андреевича Старицкого и его матери.³⁹

Примерно в это же время разрядные дьяки Андрей и Василий Щелкаловы переписали в монастырь по приказу цари 25 руб. «по душе» Владимира Васильевича Морозова.⁴⁰ А. А. Зимин предполагает, что В. В. Морозов был казнен в 1568/69 г.,⁴¹ эти вклады Иван IV дает в Симеонов монастырь «по горячим следам», сразу же после гибели указанных лиц. Иное произошло с вкладом «по душе» князя Петра Михайловича Щептёва, умершего от сыжот в 1565 г. Только в июле 1583 г. Иван IV дал в Симеонов монастырь 70 руб., «внтрахель» («внтрахиль») и дала по П. М. Щептёву.⁴² Видимо, все-таки «стени умерших» не дали покоя Ивану Грозному перед смертью. С 1578 по 1583 г. монастырь получил в связи с поминовением казненных более 605 руб.⁴³ Такая щедрость цари в какой-то мере объяснялась использованием средств самих погибших. С. Б. Веселовский, в частности, отмечал, что небольшие крохи «мелких екарбов» боярина И. П. Хабарова — злополучной жертвы царской опалы — также попали

³⁶ ГИБ, F-IV-348, стр. 19—20.

³⁷ Там же, стр. 22, 25.

³⁸ Там же, стр. 31.

³⁹ Там же, стр. 34. См.: А. А. Зимин, Опричнина Ивана Грозного, стр. 290.

⁴⁰ ГИБ, F-IV-348, стр. 31.

⁴¹ А. А. Зимин, Опричнина Ивана Грозного, стр. 283.

⁴² ГИБ, F-IV-348, стр. 27, 36. См.: С. Б. Веселовский, Последствия по истории опричнины, указатель. Отмеченный нами факт в исследовании не упоминается.

⁴³ ГИБ, F-IV-348, стр. 22—24, 36.

в Симонин монастырь.⁴⁴ Значит, Иван IV, по сути дела, «заплатил свои грехи» в монастырях ценой имущества своих жертв.

В общей сложности денежные пожертвования Ивана IV в Симонин монастырь для поминовения казненных превышают 2200 руб.⁴⁵ Но вклады такого рода монастырь стоит на одном из первых мест среди упомянутых С. Г. Веселовскими монастырей (Московский Богоявленский, Автоишев Сийский, Нижегородский Печерский, Рождественский Владимирский, Киржакский Благовещенский, Ростовский Борисоглебский, Спасо-Прилуцкий и др.).⁴⁶

Записи вкладной и кормовой книги дают более четкое представление о некоторых социальных группах, связанных в XVI в. с Симониным монастырем. Проследивается связь Симонина монастыря с родами Ховриных-Головиных, Метиславских, Хабаровых, Щенятевых, Ромодановских, Пронских, Шереметьевых, Грязных, Дятловых, Пенских и др. Но раз встречаются записи о денежных вкладах известной семьи государственных казначеев Головиных. Общей денежный вклад в монастырь от Головиных за XVI в. составил 468 руб. Семья Головиных в период опричнины подверглась опале. Записи их вкладов помогли С. В. Веселовскому уточнить даты смерти некоторых из них.⁴⁷ От крупнейшей княжеско-боярской фамилии Метиславских, главным образом от Ивана Федоровича, Симонин монастырь получил свыше 400 руб., а также несколько сот четвертей зерна.⁴⁸

От другого вкладчика, Ивана Ивановича Хабарова и его ближайших родственников, Симонин монастырь получил около 750 руб. Будучи набожным человеком и любителем книг, И. И. Хабарова дал монастырю, кроме денег, иконы и 6 книг церковного содержания.⁴⁹ Последний его вклад в монастырь относится к 1569 г.; видимо, в этом году он стал жертвой царской опалы.

Среди вкладчиков Симонина монастыря и записях книги находим имя князя Петра Михайловича Щенятева, он пожертвовал монастырю вещи. Этот вклад в книге датирован 1570/71 г.⁵⁰ П. М. Щенятев, как и многие, был подвергнут опале и казни.

От князей Ромодановских в 1568/69 г. Симонин монастырь получил 80 руб. О Федоре Борисовиче Ромодановском, даншем в монастырь 50 руб., сведений не знаем. Афанасий и Андрей Печенеги-

⁴⁴ С. В. Веселовский и Веселовские по истории опричнины, стр. 130, 340—341.

⁴⁵ Сводный С. Г. Веселовского о вкладе Ивана IV в Симонин монастырь, сильно занижен (Веселовские по истории опричнины, стр. 341).

⁴⁶ Там же, стр. 341—342.

⁴⁷ Там же, стр. 374.

⁴⁸ ГИБ, F-IV-348, стр. 51, 52, 67.

⁴⁹ Там же, стр. 89, 93.

⁵⁰ Там же, стр. 96.

Ромодановские были сосланы Иваном IV на жительство в низовые города. Монастырь от них получил 30 руб.⁶¹

Связаны были с монастырем и Шереметьевы Хлудяевы. Федор Васильевич Шереметьев дал в монастырь в 1583 г. 250 четвертей ржи, старец Иосиф Хлудяев — 110 руб.⁶² Некоторые из Хлудяевых были также жертвами опричнины.⁶³ Среди пострадавших и опричнину еще один вкладчик монастыря — Дятловы. Борис Дятлов, ловчий, дал в монастырь, кроме двора на Арбате в Москве, еще несколько вкладов, в том числе 50 руб., Григорий Васильевич Дятлов дал монастырю ржи со 100 копен, всего 125 четвертей зерна. Он был сослан в потаповские города. После его смерти монастырь получил от жены Г. Дятлова коша.⁶⁴

Таким образом, многие лица, принадлежавшие к известным русским родам, по пострадавшие и опричнину, были связаны с монастырем финансовыми узами, падали на его поддержку и помощь в случае пострижения в монахи или необходимости захоронения в пределах монастыря. Видимо, родственников погибших, которые продолжали давать в монастырь вклады для номинации своих близких, ничуть не смущало превращение Симонова монастыря в «опричного государя богомольца». Связи опричников с монастырем по вкладной и кормовой книге прослеживаются слабо. Из фамилии Пронских вклад в Симонов монастырь сделал не только князь Иван Иванович (15 руб.), но и в 1560/61 г. князь Петр Данилович Пронский (50 руб.).⁶⁵ До 1564 г. он был боярином князя Владимира Андреевича Старшкого, а затем стал опричником, в 1572 г. значился «опричным наместником» в Новгороде.⁶⁶ Имелся среди других и запись о вкладе 50 руб. князя Юрия Андреевича Пенянского.⁶⁷

Составление записей разбираемой книги выявило некоторые несоответствия, объяснить которые ошибкой составителей книги не позволяют сохранившиеся источники по истории землевладения XV в. Так, в книгу внесена была запись о вкладе в Симонов монастырь Андрея Ярлыка, великокняжеского, а потом митрополичьего дьяка, ставшего постриженником монастыря и значительно увеличившего своим вкладом монастырские земельные владения в Переяславском уезде.⁶⁸ Однако в записи указано, что Андрей Ярлык дал монастырю село Блудово с деревнями в Пере-

⁶¹ Там же, стр. 95, 112. См.: С. Е. Веселовский. Очерки по истории опричнины, стр. 152—153.

⁶² ГИБ, Ф IV 348, стр. 95, 108.

⁶³ С. Е. Веселовский. Очерки по истории опричнины, стр. 316.

⁶⁴ ГИБ, Ф IV 348, стр. 108—109. См.: С. Е. Веселовский. Очерки по истории опричнины, стр. 152, 384; Р. Г. Скрипников. Падение опричнины, стр. 416.

⁶⁵ ГИБ, Ф IV 348, стр. 95, 118.

⁶⁶ А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 384—385.

⁶⁷ ГИБ, Ф IV 348, стр. 109.

⁶⁸ АСЭИ, т. 1, № 47, 48, 326; т. 11, № 93, 340, 437.

пелавском уезде, а не Быльцано, как исстует из актов.⁶⁰ Действительно, Симонов монастырь к 1507 г. владел селом Блудовым в Переяславском уезде и получил на него в апреле 1507 г. жалованную несудимую и заповедную грамоту от Василия III.⁶¹ Но пути приобретения этого села монастырем неизвестны. Видимо, занося в книгу очередную запись, писец счлтал для села Переяславского уезда — Блудово и Быльцано, а, может быть, приобретение монастырем села Блудова также связано с именем Андрея Ярлыка.

Итак, записи вкладной и кормовой книги, отражающие события конца XIV—XVI в., позволяют сделать некоторые предположения о том, как возникали такого рода источники. Данные о вкладах в период, предшествующий составлению книги, вписались в краткой форме, видимо, на основе актовых и каких-либо других источников, может быть, кратких вкладных монастырских заметок. Гибель подавляющего большинства материалов архива Симонова монастыря в 1445 г. несомненно отразилась на составе записей книги, относящихся к древнейшему периоду его истории. Однако сохранившийся актовый материал существенно дополняется известными книгой о первых десятилетиях жизни монастыря. Таковы записи о вкладах в монастырь Дмитрия Донского, Василия I, князя Константина Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, о строительстве в монастыре на средства рода Ховриных Головиных. Отдельные записи носят следы времени составления рассматриваемой книги — второй половины XVI в. Это можно проследить и в административно-территориальном определении населенных мест, и в системе подачи материала, когда на первое место выдвигается главный современный составитель книги — самодержавный правитель Русского государства Иван Грозный с его вкладами в монастырь. Сообщения о вкладах в книге подтвержены некоторой интерполяцией, что, с точки зрения монастырских властей, придавало им большую значимость и увеличивало престиж Симонова монастыря. Интерполяция в записях носила вполне определенный характер — стремление подчеркнуть наличие у монастыря потчинника именитых вкладчиков и покровителей. Может быть, поэтому не отражены в книге некоторые вклады в монастырь мелких землевладельцев XV в. Владимирского и Московского уездов.⁶² Правда, не попала в книгу и запись о пожаловании монастыря Иваном III селами в Можайском уезде.⁶³ Кроме указанных тенденций, рассмотренные записи конца XIV—XVI в. содержат новый материал о первоначальных «финансовых» источниках вновь строившегося монастыря и об

⁶⁰ ГИИ, Ф IV 348, стр. 98; АСДМ, т. II, №№ 354, 359, 361; т. III, № 479.

⁶¹ ГИИ, Слм. 58, ял. 458—460, Переяславль Валеский у., № 10.

⁶² АСДМ, т. II, №№ 380, 423.

⁶³ Там же, № 394.

источниках увеличении его вотчины. Выявляются дополнительные данные, позволяющие более четко представить интенсивность роста сямоновской монастырской вотчины в XV—XVI вв. и связь монастырской братии с некоторыми группами феодального общества Русского государства. Большой интерес представляют записи приемов опричщины Ивана Грозного. Отметим, что незначительная часть записей XV в. во вкладной и кормовой книге находится в противоречии с актовым материалом, сохранившимся в архиве Сямонова монастыря. В целом же рассматриваемая вкладная и кормовая книга дает интересный и доброкачественный материал, дополняющий основные источники по истории землевладения и внутренней политики Русского государства конца XIV—XVI в.

А. И. КОПАЦЕВ

ПЛАТЕЖНАЯ КНИГА ДВИНСКОГО УЕЗДА 1560 г. КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРА

Изучение экономической истории Двинской области в XVI в. затрудняется из-за отсутствия писцовых книг. Хотя Двина в XVI в. описывалась несколько раз — проводились общие описания всей территории и всех земель и частные описания отдельных волостей или каких-либо определенных категорий земель, — однако писцовых книг не сохранилось, имеются только отдельные сотные выписи из писцовых книг, большей частью из монастырские вотчины.¹

Платежная книга Двинского уезда 1560 г. в известном смысле восполняет этот пробел. Она ценна тем, что в определенной системе, обусловленной ее целями, доводит результаты двух важнейших общих описаний Двины в 50-х годах XVI в. — это описание И. Заболоцкого 1552/53 г. и описание 1559 г. Василия Гасина.

Этот ценный источник еще не использован в должной мере в науке, так как привлечение платежной книги С. Б. Веселовским при изучении истории кадастра и окладных единиц отнюдь не раскрыло ее содержания и не сопровождало было каким-либо историко-экономическим анализом.²

¹ А. И. К о п а ц е в. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. Сб. «Вопросы аграрной истории», Вологда, 1968, стр. 442—443, прим. 1 и 2.

² С. Б. В е с е л о в с к и й. Сотные писма. Исследование по истории кадастра и восточного обложения Московского государства, т. 1. М., 1915, стр. 116—117.